

ГРИГОРИЙ КУШНЕР

НЕ БУДЬ
МИЛЛИОНЕРОМ, БУДЬ
ГОРНЫМ ИНЖЕНЕРОМ

Григорий Кушнер

**Не будь миллионером,
будь горным инженером**

«BookBox»

2026

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2=411.2)6-44

Кушнер Г.

Не будь миллионером, будь горным инженером / Г. Кушнер —
«BookBox», 2026

ISBN 978-5-908037-70-9

Возможно ли без теплой ностальгической улыбки вспоминать свою студенческую жизнь – и найдется ли человек, ни разу не попадавший в какую-нибудь «историю», будучи студентом? Книга «Не будь миллионером, будь горным инженером» составлена из таких историй, наполненных добрым юмором, духом приключений и лёгким авантюризмом вчерашних школьников, стоящих на пороге взрослой жизни.

УДК 821.161.1-32

ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-908037-70-9

© Кушнер Г., 2026
© BookBox, 2026

Содержание

Крымская история	6
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Григорий Кушнер
Не будь миллионером,
будь горным инженером
BookBox

© Григорий Кушнер, 2026

© Издательский дом «BookBox», 2026

Крымская история

В Крым первокурсники геологоразведочного и геофизического факультетов Ленинградского горного института уезжали примерно в 23 часа севавтопольским поездом с Московского вокзала. Они только что вернулись с месячной геодезической практики, проходившей под Вышегородом в Псковской области, и должны были провести сутки в общежитии на Шкиперском проезде Васильевского острова, попросту называемом «Шкиперкой».

Будущие геологи и геофизики впервые испытали ощущение необычайной новизны жизни, которое появляется при возвращении в город после полевого сезона. В течение суток общежитие было похоже на большой веселящийся перевалочный лагерь. Девочки приводили себя в порядок, собирались в новую дорогу и были полны забот, мелькая по коридорам, как птички. А мальчики в основном слонялись из комнаты в комнату и занимались ненужными, на первый взгляд, но страшно важными вещами.

В комнате у Лёши Горшкова на столе стоят две бутылки «Каберне», тарелки с нарезанным хлебом и колбасой. Рядом ручной машинкой производится стрижка желающих «под ноль». Учitando, что за месяц в Вышегороде у многих отросли бороды, из комнаты выходят натуральные абреки, правда слегка захмелевшие.

– Да, Грэг, – сказал Лёша, пробуя силы в роли парикмахера, – если бы не красная борода, был бы ты вылитый Ибрагим Оглы.

«Угрюм-река» Григорию нравится, а сравнение – не очень... Он задумчиво рассматривает себя в зеркало:

– На Ибрагима – не знаю... А вот на уголовника я точно похож.

Потом приятели показывали свои новые причёски в других комнатах, кого-то ещё стригли, где-то снова выпивали и закусывали чем Бог послал, да и укладкой рюкзаков всё же нужно было заняться. Дел было много...

За пять минут до отхода поезда, в центре Московского вокзала, прямо возле бюста Ильича, Лёша обнаружил, что у него нечего курить. Поэтому, когда севавтопольский поезд набрал ход и скрылся в летней белизне ленинградской ночи, Григорий всё ещё сидел на рюкзаках около вождя, а Лёша стоял в очереди за сигаретами.

Всего опоздавших было пятеро. Кроме Лёши и Григория была ещё Танечка Апельсина, ожидавшая отправления поезда в каком-то парадном, неподалёку от Московского вокзала, вместе с провожавшим её женихом – студентом специальности «Техника разведки месторождений» того же геологоразведочного факультета. И два совсем чёрных африканских негра.

У дежурного по вокзалу всё решилось быстро. Негров куда-то вежливо проводили, и в следующий раз они объявились только через три месяца в деканатском коридоре института, а остальным сказали, что в ближайшие сутки никаких поездов до Бахчисарая не будет, и предложили уходящий утром новороссийский поезд с остановкой в Джанкое.

– А там как-нибудь доберётесь...

Троица, с перепугу забывшая, куда они вообще в конечном счёте должны добраться, переглянулась и согласилась на Джанкой.

Ехать предстояло около двух суток. По прошествии времени вся дорога воспринималась, как сплошное испытание едой. Дело в том, что или на вокзале, или по дороге на вокзал, или ещё в общежитии у Григория пропали все деньги, то есть выделенные родителями 30 рублей, которых должно было хватить до следующей стипендии. У Лёши денег отродясь не бывало. Надежда оставалась только на Танечку. И она не подкачала. У неё было двадцать рублей, из которых она выдала по четыре рубля своим спутникам, а остальное оставила на дорогу от Джанкоя до Бахчисарая и далее до посёлка Куйбышево, в районе которого, как было уста-

новлено после отчаянного мозгового штурма, и должен был находиться полевой лагерь ЛГИ. Все деньги решено было тратить очень экономно. Не только потому, что отныне было принято коллективное решение стать серьёзными и ответственными – на что только нужда не толкнёт, – но и потому, что никто точно не представлял, сколько будет стоить дальнейшая дорога.

Стиснув зубы, компания собралась провести несколько голодных суток и тратить деньги разве что на чай с сахаром и хлеб с солью. На самом деле голодно было только первые несколько часов, пока ехавшие в вагоне женщины не поняли, что перед ними не беглые каторжники. А тут уж меню студентов значительно расширилось. Добрые попутчицы без передышки выкладывали на стол украинские пампушки и осетинские пироги, яйца варёные и огурцы малосольные, отварную картошку, вяленую рыбу, пирожки с разными начинками, не говоря уже о яблоках и прочих фруктах. Под шумок пытались разжиться закуской и какие-то непонятные личности из соседних вагонов, но были с позором изгнаны сердобольными мамами, прочно взявшими шефство над «сиротинушками» и «дитятками».

Так они и коротали время между едой, сном и историями из личной жизни. Поскольку особенной личной жизни у Татьяны и Григория не было по причине малолетства, то рассказывать приходилось всё больше Лёше. Он был из институтских стариков – 23 года, то есть уже и в армии успел послужить, и в экспедициях поработать, да и в институте Лёша уже начинал учиться, уйдя пару лет назад в академический отпуск по таинственным личным обстоятельствам.

В Джанкой поезд приехал часа за два до рассвета. Вагон окружала бархатная теплота южной ночи. Казалось, что густой воздух, насыщенный терпкими ароматами трав, цветов и стрекотанием цикад, нужно раздвигать руками. На фоне бесчисленных звёзд угадывались узкие контуры тополей, подсвеченные заходящей луной.

Выяснили, что до Бахчисарая можно доехать на электричке, ждать которую предстояло ещё около часа.

Пока компания осматривала вокзальные достопримечательности, Лёшей и Григорием заинтересовалась дежурная милиция. Причём особенно их привлекал Григорий. Лёша, хоть и постриженный наголо, всё же был гладок лицом и одет в приятного апельсинового цвета жёваные брюки. Григорий же, кроме блистающей лысины, семафорил ещё и упомянутой ранее рыже-красной густой бородой, а также имел штаны весьма оригинальной конструкции. То есть в целом это были нормальные полевые штаны из брезентухи, но у них присутствовал, с точки зрения стороннего наблюдателя, существенный изъян: нормальной длины в них была только одна штанина, а вторая, обгоревшая ещё в феврале во время сушки у костра, не доходила до колена. По линии возгорания она сохранила почти естественный причудливый контур, который в целях экономии материала был лишь слегка выровнен ножницами. Паспорта и студенческие билеты были проверены несколькими милицейскими нарядами, пока вышедший из дежурки капитан с пирожком в одной руке и стаканом чая в другой не сказал:

– Ребята, да бросьте вы их. Уже три дня такие чудики едут.

Что было правдой: в горной части Крыма были учебные лагеря нескольких московских и ленинградских геологических вузов.

До Бахчисарая доехали без приключений, а дальше, к посёлку Куйбышево, настроились идти пешком, так как рейсовый автобус нужно было ждать до обеда. Татьяна резонно заметила, что всё равно 20 километров до обеда не пройти, стало быть, и идти смысла нет. Но Лёша был уверен, что попадётся какая-нибудь попутка, поэтому, спросив дорогу, компания двинулась вперёд. И действительно, не прошли они и километра, как были подобраны пустым пазиком, водитель которого по-дружески сообщил, что «ваших» он вчера до обеда возил. Это, однако, не помешало ему потребовать за перевоз три рубля.

– Рубль, – строго сказала Таня.

Водитель высадил их в центре посёлка, горестно вздохнув, положил в карман рубль и показал дорогу в «лагерь к студентам».

– Отсюда идти ещё километра три.

Куйбышево состояло их двух-трёх десятков улиц, застроенных, по большей части, одноэтажными домиками, утопавшими в цветах за невысокими деревянными заборами. Стояло раннее утро, не было видно ни одного живого существа. Молчали даже собаки. Все, должно быть, наслаждались последними часами прохлады перед наступлением знойного дня.

– Грэг, сегодня у Томочки Кузмицкой день рождения, – сказал Лёша. – Нужно ей цветы подарить.

Томочка была самой красивой девушкой факультета.

– Где же их взять? – наивно спрашивает Григорий, не замечая, что путь их проходит среди сплошных цветников.

– Сейчас найдём, – Лёша посмотрел на ушедшую вперёд Татьяну и полез через какой-то забор.

За забором были видны несколько цветочных горок, окруженных ярко-зелёными газонами. Вдоль выложенных разноцветными камнями узких дорожек росли ровно постриженные кусты барбариса, плотная стена которых несколько раз разрывалась стволами фруктовых деревьев. Немного дальше угадывались очертания небольшого домика, чьи розовые стены и небольшие окна были густо увиты виноградом. Лёша подошёл к кусту роз, присел и несколько минут рассматривал цветы. Когда выбор был сделан и Лёша уже полез в карман за перочинным ножом, Григорий немного повернул голову и увидел под одним из деревьев почти незаметную на фоне кустов зелёную скамейку. На скамейке сидела девушка в лёгком ярком платье, с заплетёнными в косу белокурыми волосами и с цветочным венком на голове. На коленях у неё лежала книга, а рукой она машинально поглаживала маленькую, похожую на болонку собачку. Если бы девушка не подняла голову, заметить её на фоне окружающего буйства красок было бы совершенно невозможно. Сейчас же она рассматривала красную бороду Григория с таким же интересом, с каким Григорий рассматривали её сад.

Неизвестно, сколько продолжалась бы эта немая сцена, если бы собачка не выскользнула из-под руки девушки и не бросилась, огибая кусты и заливаясь истошным лаем, в направлении Лёши. Он ещё только начал поднимать голову, когда пёсик уже повис на нём, как пиранья, ухватив зубами за брюки пониже спины. Всё вокруг мгновенно изменилось. Девушка, вскочив, тоже побежала к Лёше с криком: «Жучка, Жучка, нельзя!» Тот крутился вокруг себя, боясь схватить собачку руками, но не придумав пока никакого другого способа защиты, а все несколько сотен поселковых собак начали рассказывать друг другу, как Жучка спасает хозяйские розы.

Девушка оторвала болонку от Лёшиних штанов и начала с ним какие-то переговоры. Конечно, расслышать что-нибудь из-за собачьего лая вокруг было нельзя. Видно было, что Лёша то покаянно прикладывает руки к груди, то показывает ими куда-то в сторону, а девушка покачивает головой, при этом поглядывая иногда на Григория. Наконец, она зашла в дом и, вернувшись с большими садовыми ножницами, отрезала несколько крупных бордовых роз на длинных стеблях, завернула их в какую-то ткань и отдала Лёше. Потом, держа собаку в руках, прошла с ним до калитки и, сказав что-то на прощанье, выпустила на улицу.

По дороге к лагерю происшествие, разумеется, обсуждалось. При этом Татьяна ругала Лёшу, а заодно почему-то и Григория, категорически отказываясь принимать во внимание аргументы, касающиеся Томочкиного дня рождения. Лёша посмеивался, Григорий помалкивал, вспоминая изумлённые глаза, косу и венок из полевых цветов. Когда Татьяна ушла вперёд, Лёша посмотрел на Григория:

– Хорошая девушка попалась, однако.

– Да... А что она там тебе говорила?

– Спрашивала, кто мы такие, зачем нам цветы и почему просто не попросили?

– А ты?

– Рассказал, что денег нет, что день рождения...

– А она?

– Про день рождения ей как-то не очень понравилось, но потом пожалела нас. Всё же штаны-то её собачка мне порвала. Она, между прочим, просила, чтобы я тебе спасибо сказал.

– За что?

– За то, что борода у тебя такого цвета. Сказала, что ты вылитый моряк Билли Бонс. Так удивилась, что рассердиться не успела. Спросила, где ты такую краску яркую берёшь.

– Ничего себе... – только и смог сказать Григорий, которому такие вопросы задавали уже не один раз, но пиратом ещё не называли никогда.

– Сказала, что её зовут Света, и на танцы в посёлок приглашала.

Студенческий лагерь обнаружился уже издалека по приятному голосу Дина Рида, на всю округу восславлявшего через репродуктор прелести Элизабет. На большую площадку с баскетбольным кольцом на одном конце и футбольными воротами на другом, предназначенную для проведения утренних зарядок и общих сборов, без излишнего энтузиазма, цепляя одной ногой другую, подтягивались обитатели лагеря. Всё это было похоже на принудительный сбор населения деревни, занятой жестоким врагом. Звуки «Элизабет» звучали как дополнительное утончённое издевательство. Вот и Томочка подошла с закрытыми глазами и в изнеможении прислонилась к стойке баскетбольного щита. В ответ на поздравления Лёши и Григория сделала попытку открыть глаза, увенчавшуюся успехом ровно наполовину: «Мальчики, это вы... Спасибо... Как доехали?»

Таким образом вся компания всё же успела на первую физзарядку и последовавшую за ней речь начальника лагеря, доцента кафедры динамической геологии и известного весельчака Игоря Абрамовича Одесского. Такие ежедневные утренние выступления, в которых описывались вчерашние лагерные происшествия и давались рекомендации, как не попасть в герои выступления завтрашнего, будили народ лучше всякой утренней зарядки. По-видимому, из-за многих забот, связанных с первыми днями полевой жизни, Игорь Абрамович не стал особенно насмеяться над нашей троицей, сказав только, что в связи с перенесёнными ими тяготами самостоятельного путешествия им решено предоставить особо запоминающиеся спальные места. Где спала последующие два с половиной месяца Татьяна, для Григория с Лёшей осталось тайной, потому что всё это время девичьи палатки охранялись не хуже гарема бахчисарайского султана. А вот им самим достались койки в левом переднем углу двадцатиместной палатки, в метре от которого располагался столб с репродуктором, направленным прямо в ухо Григорию. Из громкоговорителя каждый день, без единого перерыва, ровно в 6:30 утра раздавался призыв Дина Рида: «Э-ЛИ-ЗА-БЕТ... Э-ЛИ-ЗА-БЕТ!»

Первый день в лагере был посвящён ознакомительной геологической экскурсии по всей территории учебного полигона. Для геофизиков и геологов она проводилась отдельно. Для последних экскурсоводом стал Александр Иванович Шалимов – доктор геолого-минералогических наук и автор многих книг, популяризирующих геологию, в том числе и знаменитых «Охотников за динозаврами». На Александре Ивановиче белоснежная футболка и такого же цвета бриджи. На ногах – лёгкие и крепкие ботинки, явно не ленинградской обувной фабрики «Скорород», а в руках – неземной красоты геологический молоток из нержавеющей стали с укороченной прорезиненной ручкой. На фоне окружавшей его разношёрстной компании с геологическими молотками на длинных деревянных ручках, он выглядел настоящим сахибом рядом с галдящими аборигенами. Впечатление несколько портило отсутствие пробкового

шлема, что, впрочем, с лихвой возмещалось джентльменскими манерами Александра Ивановича.

Весь учебный полигон имел размеры около 20×20 км и охватывал долину реки Бельбек, на которой и стоял посёлок Куйбышево, и прилегающие участки горной местности. Крымские горы, собственно, представляют собой всхолмлённое плато, разрезанное многочисленными долинами ручьёв и небольших рек. Высоты над уровнем моря достигают 600–700 метров, а местные перепады могут составлять 250–400 метров. Это как раз те самые метры, которые нужно было каждый день проходить по несколько раз то вверх, то вниз, чтобы выполнить основную задачу практики – составить геологическую карту.

Одними из самых необычных образований в Крымских горах являются куэсты (некоторые говорят квесты). Это горы ассиметричной формы. У них совершенно плоская или слегка наклонная широкая вершина, плавно переходящая с одной или двух сторон в окружающее плато. С других же сторон они имеют почти вертикальные склоны высотой до трёх-четырёх сотен метров. По виду они напоминают утюг, перевёрнутый вверх плоской поверхностью. Одна из куэст, километрах в трёх от посёлка Куйбышево, так и называлась – Утюг.

Составлением геологической карты занимались будущие геологи. У геофизиков целью практики было научиться работать электро- и магниторазведочными геофизическими методами. Всю территорию полигона нужно было исследовать методом вертикального электрического зондирования (ВЭЗ) и магниторазведкой. Первый из этих методов исследует электропроводность пород, вторым изучаются их магнитные свойства. Все практиканты – и геологи, и геофизики – были разбиты на бригады, состоящие из 6–7 человек. За каждой бригадой был закреплён свой участок полигона.

Со следующего дня началась работа. Подъём в 6:30 утра, зарядка, напутственная речь Одесского, завтрак, выход на маршрут, возвращение и обед в 16:00 часов и, наконец, обработка полученных за день материалов. Остающееся свободное время использовали кто во что горазд: шатались по лагерю, пели песни, пили «Крымское игристое», сидели у костра. Надо сказать, что, несмотря на молодость лагерного контингента, сил на проведение активного досуга оставалось не так уж много. Многочасовое лазание по горам при сорокаградусной жаре изматывало всё же порядочно.

День начинался с того, что бригада, построившись гуськом, с полужакрытыми глазами выходила в направлении намеченной заранее точки начала маршрута. Впереди, как положено, шёл бригадир, выполняющий до полного пробуждения остальных роль поводыря. Правда, не было гарантии, что и в середине дня при описании маршрута тот же бригадир, подняв голову, не обнаружит, что вокруг не видно ни одной живой души. На вопросы типа: «Саня... Владимир... Ты где? Что делаешь?» мог быть получен вялый, но исчерпывающий ответ: «Лежу на коллювии»¹.

Надо сказать, что неудобства полевой жизни в значительной степени компенсировались наличием на территории всего учебного полигона большого количества заброшенных фруктовых садов, принадлежавших в довоенные годы переселённому из Крыма татарскому населению. В них росли изумительно вкусная вишня, черешня, алыча, абрикосы, персики. Часто среди плодоносящих деревьев по любовно выложенному камнем руслу журчал ручей с изумительно вкусной, прозрачной, ледяной родниковой водой. Иногда угадывались очертания фундамента разрушенного дома, почти полностью замаскированного расторопной южной растительностью. Набрести в знойный день на такой сад, сбросить рюкзаки, стоя на коленях, напиться, а потом лежать под фруктовым кустом, бездумно смотреть в ясное бирюзовое небо и машинально отправлять в рот сладкую ягоду – вот оно, счастье.

¹ Коллювий – обломочный материал, накопившийся на склонах гор или у их подножий. Коллювий обычно состоит из разнородного ряда типов горных пород и отложений, варьирующихся от ила до обломков различного размера.

* * *

Немного отступим от хронологического порядка изложения нашей истории и для понимания читателем атмосферы, в которой происходили события, приведём примеры студенческого фольклора разных лет, посвящённого этому периоду вузовской жизни.

Нам помнится, в Прохладном²

Нам помнится, в Прохладном³,
А может, не в Прохладном,
А может, где-то рядом,
А может, и не там
Стоял прекрасный лагерь,
А может, и не лагерь,
А может, не прекрасный,
А может, не стоял.
И жили там студенты,
Профессора, доценты,
Водители-любители
И повар Михаил.
И все они работали
Аж до седьмого пота там,
А кто-то где-то пиво пил,
Маршрут он закосил.
А если заболеешь,
В маршруте ласты склеишь,
В медпункте избавления
Тебе никто не даст:
Сестра тебя разденет,
Обмажет вазелином,
А в справочке напишет:
«Детский паралич».
Потом наклеит пластырь,
А может, вставит клизму,
А может, аскорбинку даст,
А может, и не даст.
Придешь домой с маршрута
Усталый, грязный, потный,
Захочешь ты помыться,
Принять горячий душ.
А там вода такая,
А там вода такая,
А там вода какая?
Короче, нет воды.
Расстроенный, невымытый,
Обиженный, сердитый
Бежишь скорей в столовую,
Всё позабыть спешишь.
А там с утра позавтракать,
К полудню пообедать,

² Авторы: Д. Артемьев, Д. Скобелев (МГУ).

³ Вблизи посёлка Прохладное находился студенческий лагерь геологического факультета МГУ.

А к вечеру поужинать
Наивно ты решишь.
Когда наступит вечер,
Зажгутся в небе звёзды,
Весь лагерь оживает —
Стаканы достаёт.
А тут какой-то Гриша,
А может, и не Гриша,
Да нет, конечно, Гриша
Как что-то запоёт...
Идею этой сказки,
А может, и не сказки,
Поймёт не только умный,
Но даже идиот.
Хотите стать геологом —
Не жалуйтесь на трудности,
Хотите стать геологом —
Забудьте про комфорт.
Вот!

Крымская поэма⁴

А не спеть ли нам о лете в эту мерзкую погоду,
Когда осень, хмурия брови, нам придумывает кары?
А не вспомнить ли о Крыме, о любимом и желанном,
О земле обетованной, что зовётся полигоном?
О черешневых деревьях во саду ли, в огороде,
И о птице-сельбухрянке, что поёт при лунном свете,
Что кричит в сиянье лунном и летит над Сель-Бухрою,
Над Беш-Кошем, Яных-Сыртом, над оврагом Джидайским,
Пролетая над Скалистым, Трудолобовку минуя,
И стремясь к Чатыр-Дагу, от Кермена улетаю.
В Верхоречье отдохнувши, на Патиль летит обратно,
Чуть качнув крылом над Длинной, Шелудивой, Кременною,
Белой, Резаной, Присяжной и немного над Прохладным,
Новопавловкой, Научным, Керт-Меликом и Бельбеком,
Над Такмой, Шайтан-Кобою, над Сувлу, Сююр-Каею...
Уф! И птица-сельбухрянка, не познавшая покоя,
Хриплым воплем возвещает новый день: «ВНИМАНЬЕ, БАЗА!»
Как не вспомнить о походах, о маршрутах наших славных!
В мергелях с ожелезненьем и ходами илоедов,
В андезитах и базальтах, в граувакках и во флише,
Даже в глыбах известковых, и в песчаниках, и в туфах,
И в конкрециях кремнёвых, и в биасалинских глинах,
Словом, в разных обнаженьях мы искали фаунишку⁵.
Мы нашли её повсюду! Зверь ужасно расплодился
В маастрихте и танете, берриасе и лютете,
В валанжине и кампане, коньяке и сеномане.
А в сантоне, альбе, ипре проживал он, как на Кипре.
В готериве, апте, дании⁶ было лучше, чем в Испании.
Всюду жизнь, как говорится (даже в таврике плодится!).
Так да здравствуют все свиты: белогорская и мангуш,
Симферопольская тоже, белокаменная также,
Рязанской хвалу воздайте, и бахчисарайской слава!
Качинской, и старосельской, и прохладненской, конечно.
Высокобугорской слава и биасалинской тоже!
Кудринскую не забудьте, карадагскую⁷ любите!
(Если что-то упустила, ради бога, извините!)
Прекратим воспоминанья (многословье – это плохо),
Лишь отметим, что в сей песне (или басне?) нота бене:
С той поры, как светит солнце, адрес каждого студента
Первого-второго курса (и геолога при этом)

⁴ Автор: Д. Баранова (МГУ).

⁵ Фаунишка – фауна – окаменелые останки животных (геол.).

⁶ Название возрастных подразделений в геологической истории.

⁷ Названия свит (геологических подразделений с характерными особенностями строения).

Знает каждый, кто влюблён вечно в КРЫМСКИЙ ПОЛИГОН!

Четвёртые сутки мы ищем границу...⁸

Четвёртые сутки мы ищем границу⁹,
Когда же прибудет сей свите конец?
Не падайте с квесты, поручик Голицын,
Корнет Оболенский, возьми образец.

Мелькают в карьерах знакомые лица:
Мы здесь не одни – это радует нас.
Ищите границу, поручик Голицын,
Корнет Оболенский, достаньте компас.

А где-то на море купаются люди.
Зачем же торчим здесь без пищи и сна?
Подайте мне флягу, поручик Голицын,
Корнет Оболенский, не пейте до дна.

По трассе машина уходит на базу.
Ну что загрустили, мой юный корнет?
Поручик Голицын, не шарьтесь по карте,
Ведь нам всё равно не успеть на обед.

Над Качей угрюмо плетёмся цепочкой,
Опять под ногами сплошной известняк.
Поручик Голицын, не ставьте здесь точку,
Поймите, её не привяжешь никак.

Ах, крымское солнце, проклятое солнце!
И душному пеклу не виден предел!
Поручик Голицын, а может, вернёмся?
И будем, поручик, картировать мел?¹⁰

⁸ Автор М. Сорокалетов (МГУ).

⁹ Граница между геологическими подразделениям, например, свитами.

¹⁰ Имеются в виду породы, относящиеся по возрасту к меловому периоду геологической истории.

Таврическая баллада¹¹

Я помню Крыма сказочный приют:
Равнину в ожерелье плоских гор,
Ущелий затерявшихся уют,
Невидимых ручьёв неслышный разговор,

Манящих берегов причудливый узор,
Лазурь небес и моря синеву...
И не могу поверить до сих пор,
Что все, что было, было наяву.
Я помню дней вневременную цепь,
Связавших чувств разноголосый хор,
Покой души торжественный, как степь,
Пустых страстей бушующий костёр
И дружеских бесед неповторимый вздор,
Ночной восторг желанных rendez-vous...
И не могу поверить до сих пор,
Что всё, что было, было наяву.

Я помню плен любовного угара,
Когда манящим вдруг казался взор,
Когда огонь возникшего пожара
С сиянием солнечным вступал в неравный спор,
Но равнодушия жестокий приговор
Бесстрастно рвал живой мечты канву...
И не могу поверить до сих пор,
Что всё, что было, было наяву.

Возможно, всё, что было, это вздор:
И страсти, и покой, и счастье, и костёр...
Но истину в свидетели зову,
Что не могу не верить до сих пор,
Что всё, что было, было наяву.

* * *

В первый же субботний вечер лагерь собрался в Куйбышево на танцы. В утренней речи Одесский уделил этому мероприятию особое внимание, указав на недопустимость взятия с собой на танцплощадку геологических молотков, лопат, зубил и ломиков. Ответственным за соблюдение порядка, а в случае необходимости и за переговоры с местным населением, был назначен Паша Харитонов. Паренёк невысокого роста, занимавшийся дзюдо и легко поднимавший каждой рукой по две 32-килограммовых гири, Паша пользовался на факультете непре-

¹¹ Автор Э. Калинин (Московский геологоразведочный институт).

каемым авторитетом. Надо сказать, что он быстро нашёл общий язык с местными парнями и все набеги лагерников на посёлок Куйбышево всегда оканчивались более-менее мирно.

Григорий, который терпеть не мог лишнего шума и суеты, пошёл вместе со всеми в надежде увидеть Свету. Понимал, конечно, что после происшествия с цветами шансы на знакомство с ней призрачные. Не забыт был и моряк Билли Бонс. Однако она сама как-то незаметно оказалась рядом.

– Вы что же, Гриша, не помните меня?

– Да нет, почему же, помню... – промямлил Григорий, опасаясь, что сейчас его опять спросят про способ окраски бороды.

– А что же Вы не подходите и не просите у меня прощения за тот ужасный поступок?

– Да я хотел, но думал, что Вы так на нас рассердились, что и разговаривать не захотите.

– Конечно, я очень рассердилась, но потом простила. У вас же было безвыходное положение – день рождения первой красавицы. А Томочка ваша и правда красивая.

– Да она не моя... А Вы что, её знаете?

– Знаю-знаю. Не хотите отойти подальше от этого шума?

И они пошли гулять по тёмным, насыщенным ароматами цветов улицам посёлка. Оказалось, что Света приехала в Куйбышево на каникулы к бабушке из Симферополя, где училась на историко-филологическом факультете педагогического института. В свободное время она работала в Крымском краеведческом музее и знала много интересного об истории Крыма, начиная с античных времён, и особенно о горном Крыме, где прожила всю сознательную жизнь. На вопрос Григория о заброшенных садах и разрушенных домах вокруг Куйбышево, Света, помолчав, сказала:

– Тёмная это история. Документов об этом, конечно, никаких нет, но здесь старые люди хорошо помнят, как татар выселяли. Всё быстро произошло, за два дня, сразу после освобождения Крыма от фашистов – в мае 1944 года.

– А почему их выселяли?

– Многие с немцами сотрудничали, помогали им сопротивление организовывать – местность ведь хорошо знали – и против партизан воевали, хотя, конечно, далеко не все. Многие сами партизанили и на фронте героически воевали.

– Какими же в то время были эти дома и сады, если даже сейчас в них такие вкусные фрукты и такие красивые арыки...

– Татарское население считалось очень зажиточным. У многих дома, сады и имущество остались ещё с царских времён. Между прочим, после их отъезда ходили упорные разговоры, будто наиболее ценные вещи татары успели собрать и спрятать в одном месте – в надежде на будущее возвращение.

– А разве выселение не внезапно произошло?

– Оно хоть и было как будто бы неожиданным, о нём всё-таки знали. Ведь постановление ГКО¹² было принято 11 мая, а выселять людей начали 19 мая и слухи успели просочиться. Выхать никто бы не смог: за дорогами уже присматривали. А вот спрятать ценные вещи вполне могли успеть.

– А почему решили, что они собрали и спрятали всё в одном месте?

– Наверное, потому что понимали, что прятать в своих подвалах бессмысленно: легко найдут и заберут в пользу государства. Потаённых, но никому не известных мест не так уж много, поэтому и предположили, что если где-то что-либо и спрятали, то, скорее всего, в одном месте.

¹² Государственный комитет обороны (ГКО) – чрезвычайный высший государственный орган управления в СССР, действовавший в 1941–1945 годах в условиях военного времени. Обладал всей полнотой военной, политической и хозяйственной власти в стране.

– Ну а что же эти сокровища не искали?

– Как это не искали? Сколько я себя помню, мы в детстве только это и делали. Все игры были этому посвящены. Этим и взрослые занимались, даже специальные группы приезжали из Симферополя. И награды обещали за находку. Только так ничего и не нашли. А потом потихоньку об этом забыли, и теперь всё воспринимается уже почти как легенда...

Так прошёл этот субботний вечер. А уже в воскресенье у ночного костра Григорий рассказал всем, имеющим уши, историю о татарском кладе.

На следующий день никаких изменений в лагерной жизни заметно не было, а вот ещё через день ковыляющие на зарядку геологи с удивлением обнаружили, что все группы геофизиков бегут на спортплощадку в лучших олимпийских традициях, на зарядке энергично размахивают руками, слушают Одесского без обычных диссидентских реплик и даже торопят его, как будто бы желая поскорее выйти на работу. Завтрак геофизики съели быстро, похватили свои катушки и магнитометры и почти бегом ушли в горы. Озадаченные геологи, не успевшие ещё съесть ни одной ложки утренней каши, остались за столами одни.

После обеда произошло почти то же самое. Вместо того чтобы разойтись на сладостную сиесту, геофизики дружно и без всяких признаков сонливости двинулись к камеральному помещению, прихватив журналы наблюдений, арифмометры и логарифмические линейки.

Дима Куклин, сидевший за одним столом с Григорием, Лёшей и Лёней Пантилеевым, уверенно сказал: «Разберёмся!» Среди геофизиков двое были членами институтской секции спелеологии, а Дима пользовался в секции авторитетом даже у старичков, не говоря уже о первокурсниках. Так что он имел серьёзные основания рассчитывать на то, что трудовой энтузиазм геофизиков найдёт скорое объяснение.

Через три дня вечером в палатке Дима рассказал, что геофизики ищут ни много ни мало татарский клад. Диме объяснили, что как раз с помощью тех геофизических методов, которые студенты учились применять на практике, вполне вероятно отыскать запрятанные ценности. Ведь можно было предположить, что ценности эти хотя бы частично сделаны из металла, следовательно, обладают повышенной электропроводностью, а это легко может быть зафиксировано при использовании методов электроразведки. Если же среди запрятанных предметов имеется железо, что тоже вполне возможно, то и магнитные их свойства будут резко отличными от окружающих менее намагниченных пород. Такие резкие отличия физических свойств каких-либо участков территории от более спокойного фона на языке геофизиков называются аномалиями.

Однако всё это казалось очевидным только теоретически. Дима рассказал, что почти сразу кладоискатели столкнулись со сложностями. Используемая ими методика электроразведки была рассчитана на поиски электрических проводников на значительных глубинах, а им требовались, скорее всего, глубины относительно небольшие. Студенты не могли посоветоваться с преподавателями, так как было очевидно, что их вмешательство сделает по меньшей мере неинтересной, а то и невозможной всю затею. Поэтому геофизики штудировали учебники, стараясь разработать методику, соответствующую задачам поиска небольших по размеру и неглубоко залегающих электропроводников. Оказалось, что среди студентов были светлые головы, которые очень быстро поняли, что для получения нужного результата нужно варьировать разнос электродов, и теоретически рассчитали их величины. Кроме того, работу нужно было построить так, чтобы одновременно выполнялась и программа практики.

Другой сложностью было то, что для правильного понимания результатов своих измерений (говоря профессиональным языком, их интерпретации) геофизикам нужно было достаточно хорошо представлять геологическое строение тех участков, где они работают. Для этого им была необходима помощь геологов. Дело в том, что с самого начала было высказано разумное предположение, что клад мог быть запрятан в какой-нибудь карстовой полости – попро-

сту говоря, в пещере, – которые иногда встречались на территории полигона. Пещеры, как известно, могут образовываться только в тех породах, которые растворяются водой. На территории полигона такими породами были известняки, поэтому, если геологи, сверившись со своими картами, посчитали бы, что найденные геофизиками объекты с повышенными магнитными или электропроводящими свойствами находятся внутри слоёв известняка, то такие места требовали бы прямой проверки. По существу, перед студентами обеих специальностей стояла задача комплексного геолого-геофизического изучения территории. Только предметом поисков были не месторождения полезных ископаемых, а гипотетические татарские сокровища.

И, наконец, ещё одной сложностью была как раз прямая проверка возможных мест нахождения клада. Чтобы обследовать пещеру, необходимы были и соответствующее оборудование, и опыт. Всего в лагере было шестеро членов институтской секции спелеологии: два геофизика, никакого практического пещерного опыта не имевшие, и четыре геолога – Дима, Григорий, Лёня Пантилеев и Нина Малыгина. Они уже дважды выезжали на спелеологические сборы под Адлером и работали в Воронцовской системе пещер (кстати, именно там и сгорела брючина на штанах Григория). Но самое главное, что сразу после практики, в сентябре, в районе этих пещер должен был состояться сбор институтской секции спелеологии. Туда должны были подъехать спелеологи-старшекурсники, которые проводили лето на производственных практиках в геологических экспедициях в разных концах страны. Спелеологическое оборудование – верёвки, проволочные лестницы, крючья, светильники – должны были привезти к пещерам Дима, Лёня, Григорий и Нина, поскольку старшекурсникам везти всё это в какой-нибудь Магадан, всё лето таскать с собой, а потом приехать с этим под Адлер было очень затруднительно. Следовательно, у геологов имелось всё необходимое для обследования возможных мест нахождения клада. И они, разумеется, проявили к его поискам не меньший интерес, чем геофизики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.